

Александр НОВИКОВ: *Коме. правда. - 1994. - 22 февр. - С.3*

«Мафии дань не плачу — я в авторитете»

Когда он записал свой первый сборник «ИЛЛЮЗИОН», его известность не продвинулась дальше границ Свердловска. Но в 84-м появился «Вези, меня извозчик!» — и он проснулся знаменитым.

Потом шесть лет «зоны». Стараниями Верховного Совета России не досидел четыре года — помилован с испытательным сроком на 5 лет.

Дальше — дебют на профессиональной сцене, гастроль, пластинки и компакт-диски, которые раскупаются мгновенно и рекордными тиражами.

Александр Новиков сегодня — владелец собственной студии, авиакомпании, завода. Глава товарищества с ограниченной ответственностью «Театр песни Александра Новикова». И — прежде всего — бард от Бога, человек, с которым легко перейти на «ты» и невозможно скатиться до фамильярности.

— Саша, твоя фамилия у несведущей публики вызывает примерно такую реакцию: «А-а, это тот, который сидел?» Давай напомним, чем же ты провинился перед Советской властью.

— Первый том моего дела (всего их 17) открывается любопытным документом под названием «Заключение экспертизы по песням Александра Новикова». Смысл: они несут моральный ущерб обществу, глумятся над нашими гражданскими чувствами, ос-

нул — карцер. Не встал, когда начальник отряда в барак зашел, — то же самое.

А что такое карцер, нормальному человеку объяснить невозможно. Бетонный гроб метр на два. Крысы от холода к телу жмутся. За ночь до 700 клопов задавишь. Все, думаешь, конец. Глядь, не конец: приходит гражданин начальник и дает еще 5 суток.

Там ломается тот, кто гнется.

— Самое острое впечатление тех дней?

— Из Свердловска в Камышловскую тюрьму везли в «столяпин». К моей клетушке подошел вусмерть пьяный конвоир, совсем пацан, взвел затвор и направил пистолет прямо мне в лоб: «Сейчас я тебя, Новиков, застрелю — и тоже известным стану». Говорят, что в эти мгновения жизнь перед глазами проходит. А я ничего, кроме кружка дула, и не видел. Из мыслей — только одна: вот сейчас дернешься и...

— Обошлось?

— Просипел ему что-то вроде «убери, не позорься». Убрал.

— Неужели ни одного светлого воспоминания?

— Зона — это скотство. Я ничего подобного даже у Шаламова не читал. Хотя сыну всегда говорю: «Тюрьма и армия с настоящим мужиком ничего сделать не могут. Только жаль потерянного времени».

— Ну ты зря время, похоже, не терял. В прошлом году презентовал в Театре эстрады три новых диска: «Городской роман», «В захолустном ресторане» и «Ожерелье Магадана». Темы навеяны в изоляции?

— Лучшие лирические песни я написал в карцере.

— А блатные начал сочинять до знакомства с уголовным миром. Откуда это?

— Фантазия. Высоцкий писал о «зоне», ни разу не отсидев, о войне — не повоював.

— Песни-пророчества были?

— Сколько угодно. «Товарищ Генеральный Секретарь» датирована 87-м годом, а в 91-м случился путч.

— Скажи честно, твоя затанцованная твистом с МВД — это из рекламных соображений?

— Давай уж по порядку. Год назад в программе «Утро» показали сюжет о войне двух мафиозных группировок в Омске. Кому-то там отрезали голову и закопали в лесопарковой зоне. Потом шла фотография подозреваемых, в центре группового снимка — ваш покорный слуга.

На Западе такое публичное выставление человека политической или сценической карьеры, бизнесмену грозит коммерческим фиаско. Вот я и подал иск на миллион рублей — за моральный ущерб.

— Значит, к отрезанной голове ты...

— Ни малейшего отношения. В Омске был, да. На гастрольях. Снимался со всеми желающими. Что с того? В ответчиках у «Останкино» — центр общественных связей МВД, который предоставил материалы.

— Как движется дело?

— Никак. Министерство злополучную кассету сразу же «потеряло», представитель ЦОСа на заседания не является, судьи меняются как перчатки. Милицкий чин в суде мне заявил: «Какой тут сатисфакции добиваетесь? Да если копнуть поглубже...» Представляешь?

— И зачем тебе эта мо- рока?

— От МВД мне никаких миллионов не надо. У меня личный капитал — более миллиона долларов, заработок — 100 тысяч «баксов» в месяц. Пусть хотя бы извинятся через прессу. Каждый не только перед Богом должен отвечать, но и перед людьми.

— Ты так смело говоришь о своих капиталах?

— А что? С налогами у

меня все в порядке. Мафии дань не плачу — я в авторитете. Кроме того, считаю себя неплохим дипломатом, и у меня отличная служба безопасности.

— Если захотят разобраться — никакая служба безопасности не поможет.

— Конечно, и президентов убивают.

— Теперь и до ключевых фигур шоу-бизнеса добрались.

— Да потому что здесь все рублем помазано. Я, например, телевизионной мафии давно говорил: вас будут убивать, ибо то, что вы делаете, — это беспредел. Талантливому исполнителю на экран не пробиться. Только через постель или со спонсором за спиной, то есть все-таки через постель, но другую. Это касается, пардон, и «девочек», и «мальчиков».

— Выходит, некуда бедному артисту податься? Разве что к Новикову — известному покровителю молодых талантов...

— Да, многих из них я записывал в своей студии. Ольга Лебедева — лауреат конкурса Ялта-92 — три года сидела у меня. Писал бесплатно — потому что талант. Сейчас раскручиваю Наталью Штурм — победительницу фестиваля «Шоу-королева-91» в городе Сочи. Помогаю Леше Могилевскому из бывшего «Наутилуса», ребятам из группы «Птица Зу».

— А как относишься к группам типа «Лесоповал»?

— Когда я взял в руки гитару, то знал, что за свои песни получу срок. Они знают, что получат за них деньги.

— Кто же близок тебе по духу из нынешних исполнителей?

— Макаревич.

— И все же ты собираешься пригласить в свою телепередачу Михаила Танича — «пахана» группы «Лесоповал».

— Есть такой проект. На Российском ТВ будет выходить моя программа (минут 40) «Зона песни». Хочу докопаться до корней блатного фольклора, арестантской песни. Буду опрашивать мозги общества: ученых, политиков, артистов, писателей. Недавно узнал, что в старых разбойничьих песнях заменяли имена героев на «Ленин», «Сталин» — и они становились революционными. И правильно. Революционеры — самые что ни на есть бандиты.

— Ты категоричен, потому что они сделали все, чтобы не было богатых, таких, как ты?

— Не будет богатых — ничего не будет.

— Тогда расскажи о своем бизнесе.

— Шоу-бизнес, концерты серьезной прибыли не приносят. Поэтому у меня совместно с Арабскими Эмиратами есть авиакомпания. Занимаемся грузоперевозками. Купил завод лифтированных камней. Это такие жернова для переработки целлюлозы. Таких заводов всего четыре в мире. Есть 64 га теплиц. Выращиваем цветы, овощи. Благодаря этому все свои аваторы финансирую сам.

— Время поджимает. Попробуем блин?

— Валдай.

— Твои учителя?

— Книжки. В лагере всего Лермонтова перечитал, Пушкина. Хотя там зачитываются детективами и фантастикой.

— Авторитеты?

— Сахаров, Высоцкий.

— Что ты любишь?

— Красивых женщин, чай и быструю езду.

— Ненавидишь?

— Предательство.

— Тебя предавали?

— Да. Мужчины. Женщины никогда.

— Что для тебя свято?

— Близкие люди, родина, любимое дело.

— Ты мог бы ударить?

— Да. Но не заведомо слабого и не в спину.

— Убить?

— Разве что на войне.

— Что хотел бы забрать с собой в последний путь?

— Всю земную мерзость.

— Что ты не пробовал в жизни?

— Быть сутенером и баллотироваться в президенты.

— Любимая вещь?

— Гитара.

— Игра?

— Жизнь.

— Тебе что-нибудь внушает ужас?

— Вечность.

Игорь ПАНКОВ.

Фото Игоря

ИВАНДИКОВА.

корбляют общественный строй и прочее в том же духе.

— Так твои песни разбира- ла компетентная комиссия?

— «Рецензию» подписал один человек, автор модного тогда шлягера «Ой, рябина кудрявая» (не хочу называть его имени).

— Но так обычно «шили» антисоветчину, а ты в приговоре проходишь как злостный расхититель социалистической собственности...

— Я не воровал — работал. Вот этими самыми руками собирал аппаратуру: колонки, усилители. Делал «под фирму» и выставлял в комиссион- ки гораздо дешевле зарубежных аналогов. Качеством она ничуть не уступала настоящей «фирме», поэтому покупали охотно. Выручка же шла в основном на то, чтобы хоть как-то поддержать собственную студию. Среди покупателей оказывались госучреждения и предприятия — отсюда и «хищение государственных средств».

Меня взяли в оборот, как только я стал популярен. Телефон прослушивался, на хвосте моей «Волги» круглосуточно висели машины «на- ружки». Им нужен был повод, и его нашли. Знакомый полковник в Свердловском УВД сказал честно: «Я очень люблю твои песни, но поделаться ничем не могу». И показал пальцем вверх.

— Ну уж в колонии тебя наверняка ожидала лучшая койка, пайка и все прочее, как это водится при встрече «авторитетов»?

— Скажи еще: оркестр. Нет, попал я в Ивдель под Свердловском, бывший спец- лагерь НКВД. Летом — мош- кара, зимой — морозы за 50. На две с половиной тысячи зеков — 800 обиженных, то есть педерастов и полностью опустившихся людей. Всем за- правлял актив, или, как пи- шут в эмвэдэшных отчетах, «вставшие на путь исправле- ния». Красная зона. Сучья.

Перед моим приездом про- вели тотальный шмон: изъ- яли все гитары и магнитофо- ны не только в колонии, но и в батальоне охраны. К клубу меня даже близко не под- пускали. Ни к блатным, ни к «козлам» я не рвался, так что работенку мне подобрали непьющую — лес валить. Ловили на любой мелочи. Верхнюю пуговицу не застег-

51